

Ли Сылан вновь пришлось несладко: от боли он вопил во весь голос.

— Ну что, теперь скажешь, куда делась лепешка? — спрашивал Ли Далан, смазывая брату раны. — И не вздумай врать, что сам съел.

— Если снова начнешь лгать, считай, что отец зря тебя порол. Как только поправишься, мы со старшим братом зададим тебе еще раз, — Ли Эрлан ни капли не жалел младшего, считая, что после взбучки тот должен осознать свою вину. — Ты вчера вечером так долго отсутствовал, потому что ходил за лепешкой? Где ты ее спрятал?

Ли Сылан не выдержал тяжелой руки старшего брата и болезненно поморщился:

— А-а... я... я не могу сказать... а-а...

Ли Далан и Ли Эрлан переглянулись, и в их глазах читалось понимание. Ли Эрлан невозмутимо спросил:

— Почему не можешь?

— А-а... ну... просто... а-а... нельзя говорить...

Ли Эрлана это удивило: младший брат редко проявлял такое упорство.

— Ты что, дал тому человеку слово, что будешь молчать?

Ли Сылан, не подозревая, что его ловко выводят на чистую воду, пролепетал:

— Второй брат, откуда ты знаешь... а-а...

Ли Эрлан кивнул, выражая одобрение:

— Раз ты дал кому-то обещание, то, конечно, не должен его нарушать. Ты поступил правильно.

Ли Сылан сквозь боль улыбнулся:

— Второй брат, ты считаешь, что я поступил правильно? А старший брат?

Ли Далан согласно кивнул:

— Старший брат тоже считает, что ты поступил правильно!

Больше они не стали расспрашивать. Теперь, когда стало ясно, что кто-то подговорил младшего брата вынести еду из дома, дело приняло иной оборот.

Ли Далан закончил смазывать раны и вытер руки.

— Вот и всё. Завтра снова придется мазать, а сегодня лежи и повторяй уроки.

Услышав, что завтра всё повторится, Ли Сылан обиженно захныкал:

— А-а...?

Когда братья вышли из комнаты и собрались пересечь двор, чтобы найти родителей, их перехватила младшая сестра, которая уже давно ждала их там.

— Старший брат, второй брат, мне нужно кое-что сказать.

Ли Эрлан сразу догадался, о чем пойдет речь:

— О Сылане?

Ли Цзиньнян кивнула:

— Да. Вчера мы с матушкой готовили для него новую одежду к началу осенних занятий. Когда всё было готово, матушка попросила меня позвать его на примерку. Когда я подошла к кабинету, то услышала, как Сылан с кем-то разговаривает.

Ли Далан тут же напрягся, опасаясь, что младшего могли обмануть:

— Кто это был?

Цзиньнян покачала головой:

— Голос был слишком тихим, я не разобрала. Но самое странное, что, когда я открыла дверь, в кабинете никого не оказалось.

Ли Эрлан задумался:

— Может, на крыше? Старший брат, в последнее время к нам не забредали беглые или странники?

Если кто-то посторонний тайком пробрался в дом и водит их семью за нос — это никуда не годится.

Ли Далан сохранял осторожность:

— Позже я залезу на крышу и проверю, а отец пусть сходит в деревню поспрашивает, не появился ли кто чужой. В последнее время стало беспокойно.

Ли Цзиньнян, нервничая, теребила пальцы, глядя на старших братьев. Ли Эрлан похлопал сестру по голове, успокаивая:

— Не бойся, есть я, старший брат и отец!

Получив поддержку, девушка почувствовала себя спокойнее:

— Старшие братья, я пойду, мне еще шелк ткать.

— Иди, только не перетруждайся! У нас с Сыланом одежды полно.

Цзиньнян кокетливо фыркнула:

— Скоро вернется третий брат, у вас-то с первым братом обновы есть, а про него вы забыли!

— Хорошо-хорошо, не переутомляйся только.

Выйдя от родителей, братья направились напрямик в кабинет, а отец Ли ушел в деревню разузнать об чужаках — не дай бог, затесался какой-нибудь дезертир или беглец, тогда вся деревня может пострадать. Ведь укрыительство беглых карается для всей общины.

Во дворе Ли Далан приставил лестницу и взобрался на крышу кабинета, а Ли Эрлан обыскал все помещение вдоль и поперек. Братья перевернули там всё вверх дном.

Ли Эрлан, закончив осмотр, стоял посреди комнаты и ломал голову: неужели он что-то упустил? От того человека не осталось ни единого следа.

В паре чжанов от кабинета проходила стена, но на ней не было следов лазания. Вероятно, незваный гость пробрался через ворота, пока никто не видел, и спрятался в кабинете. Человек был крайне осторожен: ничего не тронул, всё стояло на своих местах. Но кабинет такой крохотный, прятаться там негде. Неужели он просто забрал вещь и ушел?

Даже если ушел, должен был остаться хоть след, хотя бы половинку отпечатка ноги! Ли Эрлан несколько раз осмотрел двор — ни снаружи, ни внутри не было признаков присутствия чужака.

Что же происходит? Неужели этот человек владеет искусством полета или хождения сквозь землю?

Семья Ли — обычные крестьяне. Трудолюбивые, они три поколения копили деньги и в итоге построили на своем участке отдельный кабинет, чтобы дети могли учиться грамоте.

В поколении Ли Далана все четверо сыновей и две дочери учились или собирались учиться. Старшая сестра Чжэньнян уже год как была замужем. Ли Далан и Ли Эрлан закончили

начальную школу, после чего Далан ушел в гарнизон, а Эрлан остался помогать по хозяйству. Из оставшихся двоих младший, пятилетний Сылан, только дорос до школы. Был еще третий брат, Ли Саньлан, самый прилежный ученик, который сейчас учился в частной школе в уезде, готовясь к экзаменам, и домой возвращался редко.

Жили они не богато, но сыто и тепло, в мире и согласии. И меньше всего им хотелось, чтобы из-за какого-то чужака их привычная жизнь пошла под откос.

Осмотрев пол и стол, Ли Эрлан на всякий случай заглянул в потайной погреб — там было пусто. Он обвел взглядом стены и остановился на свитке с изображением сосновой рощи и лесной хижины. Его привез Ли Далан после службы, когда работал на вельможу. Картина не была шедевром великого мастера, говорили, что ее подарили хозяину в храме, но тот не оценил и просто отдал Далану, а дед велел оформить в раму и повесить в кабинете для украшения.

В это время Ли Далан спустился с крыши, отряхивая руки от пыли.

— Ну что, брат?

— На крыше следов нет, тот человек не сидел там, разговаривая с Сыланом. — Ли Далан обыскал всё, но безрезультатно, и возложил надежды на брата: — Ты что-нибудь нашел?

Ли Эрлан покачал головой:

— Ничего. Странно до жути. Кому Сылан отдал лепешку, если следов нет?

— И правда, странно. Придется ждать отца. Если у него ничего не выйдет, заставим Сылана нарушить обещание. — Ли Далан не привык сомневаться, когда на кону безопасность семьи. — Если найдем этого человека, сами извинимся перед ним за то, что заставили брата нарушить слово.

Потоптавшись еще немного, братья покинули кабинет.

А внутри картины Цзи Цинъюэ дрожал от страха. Он и представить не мог, что из-за двух лепешек поднимется такой шум! Если Ли Сылан выдаст его, он понимал: благодаря безграничному доверию внутри семьи, даже самая невероятная история будет принята ими за чистую монету, и все подозрения падут на него.

Цинъюэ не знал, что самих лепешек семья уже почти не жалела — их больше пугала мысль о чужаке, что могло обернуться обвинениями в укрывательстве преступников.

Осенний урожай был собран, и, по идее, после уплаты налогов можно было передохнуть, но в этом году у семьи Ли прибавилось работы — нужно было распахать целинные земли.

Все члены семьи, кроме Сылана, собрались в главной комнате. Усадьба на севере была просторной: сначала была одна главная комната и пара боковых, потом, когда дети подросли, пристроили еще по комнате с каждой стороны, чтобы разделить мальчиков и девочек, позже добавили кабинет. Места во дворе хватало не только на хлев, амбар и отхожее место, но и на огромный огород.

Такой роскошью они были обязаны местным условиям: земли много, а людей мало. Это не плодородные поля северо-востока, а когда-то пустоши, которые их семья три поколения превращала в пригодную для жизни землю. Дед Ли когда-то выделил себе под усадьбу целый участок в пару му.

Все ждали отца Ли, не притрагиваясь к завтраку. Вскоре он вошел во двор, заложив руки за спину. Ли Эрлан бросился к нему:

— Отец, ну как? В деревне не видели чужаков?

Отец Ли бросил взгляд на нетерпеливого сына:

— Пойдем внутрь, там поговорим.

Когда они сели, мать Ли подала мужу лепешку. Откусив кусок, он произнес:

— Я обошел всю округу, в деревне о чужаках ни слуху ни духу...

Мать Ли, не дослушав, засуетилась:

— Ох, этот непутевый! — Отец Ли успокоил жену взглядом и продолжил: — Я пока не стал сообщать старосте, во-первых, потому что следов нет, а во-вторых, из осторожности. Всё же это касается Сылана, надо действовать осмотрительно...

Мать Ли вскочила, и отец, сидевший на другом краю лавки, чуть не свалился. Поднявшись вместе с лепешкой, он проворчал:

— Да чего ты суетишься? Сейчас главное — вытрясти из Сылана, кто это такой! Ты же знаешь, какой у него характер — упрется, и хоть палку об него ломай, своего не скажет...

— А что, сын только мой, что ли?! — Мать Ли метнула гневный взгляд на Далана и Эрлана: — Все они такие упрямые, никакой управы нет!

Братья покорно промолчали — в детстве им и самим доставалось за упрямство. Этот недуг передавался в их семье по наследству.

Ли Далану было двадцать два, женился он два года назад. В их краях это считалось поздно — сверстники уже нянчили детей. Дед женился в шестнадцать, отец — в семнадцать. У Далана всё затянулось из-за трагедии.

Шесть лет назад, еще до того, как госпожа Сюй вошла в дом, деревню охватил военный мятеж. При подсчете потерь выяснилось, что отец Сюй, пытаясь спастись, упал в канаву и погиб. Но страшнее было то, что нескольких девушек увели в плен. Через день они вернулись — избитые, в разорванных одеждах. Зрелище было душераздирающее.

Когда до семьи Ли дошло, что госпожу Сюй тоже забрали, мать Ли зарыдала. Всё было кончено. Далану было шестнадцать, ей пятнадцать, они были помолвлены и готовились к свадьбе после урожая. Но тут — война.

Отец и дед были в армии, и мать Ли, недолго думая, расторгла помолвку: госпожа Сюй не могла стать женой их сына!

Далан, услышав это, ни слова не говоря, собрал вещи и ночью отправился в деревню невесты. Увидев там обезумевших от горя родных и саму девушку, готовую наложить на себя руки, он сварил ей отвар из сафлора и сказал:

— Если у нас не будет детей, усыновим кого-нибудь из моих братьев.

Госпожа Сюй оказалась стойкой: выпила отвар, корчась от боли несколько дней. Далан днем помогал с похоронами, а ночью спал рядом с ней, не обращая внимания на пересуды, повторяя лишь:

— Мне нужна только ты.

Через два дня мать Ли обнаружила пропажу сына и помчалась с десятилетним Эрланом и тринадцатилетней Чжэньнян в дом Сюй. Каково же было ее потрясение, когда она узнала, что сын уже несколько ночей спит в комнате невесты! Она чуть не лишилась чувств, а Эрлан еще и добавил:

— Старший брат спит с невесткой — это по закону.

Мать Ли была в ярости! Она могла бы забрать его раньше, если бы не покровительство младших детей. А когда узнала про отвар из сафлора, у нее сердце сжалось от боли. Она кричала на сына, называя его негодником.

В ту ночь у дома Сюй Далан долго говорил с матерью. Когда она спросила: «А если Эрлан не согласится?», тот, подслушивавший за дверью, крикнул:

— Я согласен! А если у меня не будет сыновей, есть Саньлан.

Бедному девятилетнему Саньлану тогда и невдомек было, что братья уже распланировали его будущее. Стойкость сына и невиновность госпожи Сюй убедили мать Ли. Спустя три года траура по отцу, девушка вошла в дом Ли. Через два года у них родился сын, которому сейчас уже пошел второй год.

После той истории Далан стал рассудительнее, а вот Эрлан взял на себя роль «возмутителя спокойствия». Мать Ли уже привыкла, хотя и молилась, чтобы этот дар сына не развивался дальше.

Госпожа Сюй, баюкая сына, улыбалась, слушая перепалку свекра со свекровью. Мать Ли, обернувшись, увидела невестку с внуком на руках и смягчилась:

— Туаньлан, не бери пример с отца и дядьев, не расстраивай мать, когда вырастешь.

Закончив обсуждение плана по допросу Сылана, отец Ли перешел к делам:

— Эрлан, тебе исполнилось шестнадцать, вчера ты официально зарегистрировался в управе. Скоро чиновники придут мерить землю. Тебе положено сто му. Как собираешься ими распоряжаться?

Эрлан, у которого всё было продумано, ответил:

— У деда осталось двадцать му, у отца восемьдесят, у старшего брата семьдесят. Там зерновые, бобовые, просо, тутовник, абрикосы, груши. Мы и так заняты по горло. Засеивать все мои сто му зерном нереально, да и не факт, что земля подойдет. Я хочу выбрать лучшие участки под зерно, чтобы покрыть налог, а остальное засадить фруктовыми деревьями. Они растут долго, зато потом принесут доход. Еще хочу подумать над чем-то другим. Через пару лет нам с Саньланом жениться, нужны деньги, а он учится и помогать в поле не сможет. Говорят, пряности в цене, растут быстро, можно собирать по урожаю в год.

Мать Ли фыркнула:

— Мечтать не вредно.

Отец не стал спорить:

— О женитьбе мы с матерью позаботимся. Как получим землю, пойдем вместе распахивать целину. Сам смотри, что сажать. Если не потянешь — продашь часть, добавишь денег.

Эрлан не согласился:

— Отец, я не хочу продавать землю.

— Делай как знаешь.

<http://bllate.org/book/20806/2091667>